

Идти вперед... (памяти Коли Хоменко)

Когда уходит друг, жить сложнее. А вспоминать легче. У памяти свои отношения со временем. Близко не то, что недавно, а то, что важнее. И еще – чем крупнее человек, тем лучше помнишь не только его – себя рядом с ним. Свои мысли, эмоции, открытия, события собственной жизни. Мы дружили четверть века, живя в разных городах, а потом и в разных странах. Редко виделись, больше переписывались. Он называл меня Алуней. Может быть, самое трудное сегодня – привыкнуть к мысли, что никто больше не назовет меня так.

25 лет назад я приехала в Минск за программой «Изобретающая машина». Коля тогда занимался этим проектом. Меня посадили за компьютер тестировать программу, я набрала первые ответы и прочла «Нажмите любую клавишу». «Что, правда, любую? – ответили. – Да». Я нажала. Машина зависла. Сбежались программисты – это было ЧП, программа была уже хорошо протестирована. Меня попросили повторить. Машина зависла снова. Коля пришел в восторг. Он потом периодически вспоминал это с неугасающим энтузиазмом. Он вообще легко восхищаться людьми. У него было много историй, которые он рассказывал про людей – про Кима Хадеева, замечательного философа, с которым он дружил в Минске, про туристов и спелеологов, про дочек и жену (я никогда их не видела, но кажется, что знала много лет) и про нас – кого учил, с кем контактил. Как Наташа Чижевская решала задачи лучше инженеров, как преобразилась Аня Корзун, когда начала заниматься ТРИЗ в детском саду, как плакала Таня Сидорчук, когда он ей доказал, что дошкольники могут решать противоречия (а она считала, что это невозможно, и в программе ее площадок противоречий не было).

Недавно я с удивлением прочитала на сайте Нелли Козыревой, что заниматься играми по ТРИЗ для детей ей предложил Коля. Сегодня игры Нелли известны, наверно, по всей стране. Он вообще делал очень много знаковых вещей, которые меняли чью-то жизнь. Кажется, летом 91-го он приехал в Петрозаводск на конференцию с небольшим компьютером в заплечной сумке. Ноутбуков тогда не было. Он оставил мне компьютер на несколько дней, и я набрала на нем «Страну Загадок». А в 95-м он подарил мне книжку Дж. Крюса «Тим Талер или проданный смех», и я сделала методику анализа характера через противоречие, которую до сих пор считаю самым важным своим вкладом в образование. Потом были организованные Колей наши с Ингридой семинары в Минске и главное приобретение тех семинаров – Аня Корзун. Тогда я впервые увидела рекламку проекта «Джонатан». Собственно, первоначально я не очень поняла, для чего нужен проект. У меня в то время был экспериментальный класс в школе и во все остальное я вникала слабо. Но в Минске продолжались семинары для учителей, у Ани Корзун появился компьютер и, будучи человеком ответственным, она за год превратилась в такого продвинутого пользователя, что могла дать фору мне (в прошлом – программисту). Незадолго до выпуска класса он передал мне деньги – и мы смогли купить сканер и сделать себе хороший выпускной альбом на память. Заработал первый тризовский сайт <http://trizminsk.org> Поддерживалась Челябинская конференция по ТРИЗ-педагогике. Журнал «Пачатковая школа» печатал серию наших статей. Он не делал громких заявлений – все выросло потиху само собой – и выяснилось, что вот не только у тебя, а еще и у людей вокруг появились новые возможности и новые удачи. И постепенно завязывались связи, деловые и человеческие, между людьми, готовыми заниматься приложением ОТСМ-ТРИЗ разработок в образовании. Выростала команда «Джонатана». С самого начала было оговорено – формальных отношений не будет, мы вместе, пока это нам интересно.

Он придумал нелинейный вход в ТРИЗ через игру «Да-Нет», мы стали этим пользоваться – на этой линии получались интересные вещи. Нелинейное обучение решало много проблем. Появлялись новые модели, технологии. Я тогда уже видела ошибки, допущенные при обучении своих «экспериментальных» детей и понимала, что ОТСМ-разработки позволили бы сделать гораздо больше. Таня Сидорчук строила под его руководством свою дошкольную ОТСМ-ТРИЗ педагогику, включая в орбиту все новые площадки (сегодня их более тридцати). «Коля меня по сути сделал тем, что я сегодня есть», – сказала она мне, недавно, когда мы случайно узнали, чем он болен. Ингрида Мурашковска стала глубоко и продуктивно исследовать образовательные системы. Аня Корзун сделала методику работы с педагогическими проблемами. Саша Сокол – систему «Thinking Argoach» (мыслительный подход к изучению иностранного языка). Нам было интересно вместе, в этой команде, рядом с Колей.

Мы не говорили с ним подробно о том, как он появился в ТРИЗ (знаю только, что он прошел семинар Альтшуллера). В то время у тех, кто глубоко попадал в ТРИЗ-движение жизнь менялась так сильно, что, можно сказать, начиналась новая жизнь. Коля, видимо, быстро нырнул в ТРИЗ с головой, хотя попал он туда после тридцати и по его рассказам можно было догадаться, что раньше он тоже жил довольно бурно – ходил в походы, спускался в пещеры, занимался наукой. В созданном В. Цуриковым проекте «Изобретающая машина» Коля занимался программированием АРИЗа. Как сказал автор ТРИЗ Г.С. Альтшуллер, АРИЗ – инструмент для мышления, а не вместо мышления. Строго говоря, запрограммировать АРИЗ нельзя, так что Коля, в полном соответствии с тризовскими идеалами, занимался решением неразрешимой задачи, причем довольно успешно. Сегодня я понимаю, что многие идеи, на которых построена ОТСМ, растут из работы тех времен.

О том, что он разрабатывает ОТСМ, я тоже узнавала медленно и еще медленней понимала, что это такое и для чего нужно. Писал он мало и трудно. Рассказывал в то время тоже не блестяще. Как лектор, как преподаватель он выросал на наших глазах. Он и писать в последнее время стал гораздо более четко. Еще бы год-два...

Зато он умел учить штучно. Собственно, кроме него нас никто «штучно» и не учил. Он легко делился презентациями, материалами, черновиками. Если ему было интересно, мог работать над чужой проблемой, по многу раз комментировать чужой материал, и это было всегда очень глубоко, позволяло хорошо расти, быстро двигаться вперед.

В последние годы жизни Генриха Сауловича Альтшуллера Коля приезжал в Петрозаводск, чтобы увидеться с ним. Тризовские конференции в то время превратились в съезды, там было больше политики, чем науки. Многие тризовцы уехали за рубеж, в том числе, большая часть команды разработчиков «Изобретающей машины». Он говорил: «Хочу попасть к Генриху так, чтоб не в толпе», поэтому приезжал позднее. Давал мне почитать аксиомы ОТСМ-ТРИЗ, просил «поругать», и я делала какие-то замечания. Мне было интересно, но для чего это нужно и куда приложить, я стала понимать далеко не сразу. Кажется, именно тогда он попросил у Генриха Сауловича разрешения использовать акроним ОТСМ для своих разработок и тот разрешил с условием, что будет рассказано, как появилась эта область знаний (о том, что ТРИЗ должна перерасти в общую теорию сильного мышления писал сам Альтшуллер, думаю, в разговорах они обсуждали, как это может выглядеть). И Коля всегда, в любых обстоятельствах, рассказ об ОТСМ начинал с этой истории.

В 98-м я написала ему, что Генрих Саулович чувствует себя плохо, и что стоит, наверно, ему приехать. Он ответил – чуть позже, когда будет, что показать, нельзя же

приехать с пустыми руками. И не успел. Жалел об этом всю оставшуюся жизнь. Помню его лицо, когда они с ребятами несли гроб Альтшуллера на плечах.

В статье «Постэндшпиль», посвященной уходу Учителя, он писал: *«У нас осталась единственная возможность общения с ним: перечитывать его письма, работы и книги, вспоминать личные беседы, вновь и вновь переосмысливать как единую систему все сделанное им...»*. Сегодня, двенадцать лет спустя мы повторяем эти слова. О Коле.

После похорон Альтшуллера Коля сказал, что увезет семью в Канаду, они решили, что для дочек так будет лучше. Вроде бы собирался жить «на две страны». Но в Беларусь он не вернулся. Кажется, в то время у него уже был опыт работы в Корее и он упорно учил английский, как я понимаю, практически с нуля.

Видимо, за границей ему в первое время очень не хватало общения. Помню, как он радовался, когда смог вызвать в Корею Диму Кучерявого из Минска. В ответ на мое замечание, что я не знаю Диму (и соответственно, не могу разделить его восторг), выслал Димину фотографию. Он писал много писем, завел ОТСМ-ТРИЗ конференцию, несколько лет проработавшую с большой пользой и вообще как-то строил себе жизнь в сети, постепенно втягивая в нее своих друзей и коллег. Я в то время все еще была в эксперименте и на письма позволяла себе отвечать эпизодически. Помню, как однажды я на время возникла в сети – и получила от Коли письмо: «Скорее, пока ты еще отвечаешь на письма, напиши, пожалуйста...». Про что надо было написать, не помню, а вот это «скорее» - запомнила.

После Кореи был Страсбург. Коллега, который предложил ему эту работу, привел его на место, показал вид из окна – и это решило дело. Влюбиться в Страсбург легко, кто был там – знает.

А потом он разными способами стал вытаскивать нас за границу – для участия в проектах, на работу, на конференции. Посыпались какие-то предложения, они с Таней написали книжку, издали в России, потом в Штатах. Сейчас вот издали в Корее. Когда открылась магистратура в Страсбургском институте прикладных исследований, у меня как раз был грант на аспирантуру, и я смогла приехать на стажировку - на цикл занятий по АРИЗ. Тогда я обратила внимание, что он стал вести занятия значительно лучше, чем раньше, даром, что на английском языке. Конечно, по форме там было, что улучшать, но все это с лихвой окупалось содержанием. Меня учили ТРИЗ в детстве и в юности, я посещала занятия в Петрозаводске и бывала на лекциях в Питере, но самой серьезной учебой все равно остались те несколько недель на чужом для меня языке.

Он продолжал быстро развивать ОТСМ, строить методологию для работы с комплексом междисциплинарных проблем. Много читал – они никогда не прекращал читать работы по ТРИЗ, и классику, и новые материалы. Радовался, когда находил сильные работы.

Жил он в Карлсруэ, в Германии. Почти каждый день ездил оттуда на работу в Страсбург. Выматывался – это было видно. Он работал много, по-прежнему щедро вкладывался в наши проекты – материалами, техникой, деньгами. Отказаться было трудно – это же для дела.

Про последние годы писать всего сложнее. Может быть, потому, что они оказались последними. Но не только поэтому.

Семь лет назад (хорошо помню сроки – мне сегодня столько лет, сколько было ему тогда) он написал, что надо готовиться к одиночеству, уходить вперед, обрывая кисти.

Я тихо ужаснулась и ничего не поняла. Да, у него были к тому времени испорчены отношения с некоторыми коллегами – но у кого из нас было иначе? (после смерти Альтшуллера ТРИЗ-движение стало очень неоднородным по своим целям и

средствам). Однажды в ответ на его возмущение кем-то из общих друзей, я заметила «Это относится к работе – не к жизни». Он удивился: «Я не разделяю жизнь и работу». Снижение планки, туповатое упрощение ТРИЗ-инструментов (в расчете на очень среднего покупателя технологии), тиражирование устаревших инструментов, от которых отказался в свое время автор ТРИЗ, он воспринимал, как предательство. И соответственно реагировал. Бесполезно было говорить, что люди делают такие вещи по очень разным причинам, иногда бессознательно, не имея сил дотянуться до более высокой планки, иногда – считая это вынужденной временной сдачей позиций и оставаясь при этом в общем порядочными людьми. Это его возмущало, ужасало, а в последнее время, видимо, мучило. «Самое страшное, что тризовцы не хотят разобраться в том, что сделал Альтшуллер» - это строки одного из его последних писем.

А мы тем временем шли каждый своим путем (он никогда не водил нас строем), делали свои ошибки, общались с разными людьми, наверно (конечно!), тоже снижали планку. Чтобы запустить работу на педагогической площадке, приходится решать множество мелких задач. Крупные задачи стоят в очередь, забываются в текучке. А время идет, и возраст не прибавляет энергии и сил. Ему становилось с нами все труднее. «Читайте ТРТЛ, там все написано» - он часто так говорил. Он шел вперед, не успевая оставить подробные и внятные тексты, разбрасывая черновики. Может, просто чувствовал, что у него мало времени. Шел, разрушая связи, теряя друзей. «Надо уходить вперед, обрывая кисти...». Наблюдать это было больно. Изменить – невозможно. По крайней мере, мне не удалось. В последний год он много занимался по скайпу с Галей Тереховой – она пишет научную работу, которая была ему интересна. Спасибо Гале – значит, одиночества его все-таки было немножко меньше.

Я – птица куда более низкого, полета. Мне трудно резать людям в глаза болезненную правду, я так сильно стараюсь понять каждого, что теряю собственные принципы. И, может быть, по этой причине, в ТРИЗ-движении ко мне очень разные люди относятся хорошо. Но его слова об одиночестве я сегодня понимаю. Может быть, путь Творческой Личности во многом зависит от того, способен ли человек выносить одиночество в деле. Кто не способен, тот просто прекращает движение вперед.

Он терпеть не мог, когда его работу огульно хвалили и бурно радовался, когда ругали по существу. Он никогда не считал, что мы ему должны за что-то, это не приходило ему в голову, он мыслил в других категориях. Он был очень теплым, ярким и веселым человеком. «Нет ничего дороже роскоши человеческого общения» – тоже его слова, почти в то же самое время написанные. Он прокладывал дорогу, которая многим не нравилась и просто не была понятна, и сегодня нельзя сказать, была ли такая стратегия для него оптимальной. По ЖСТЛ последний этап жизни Творческой Личности, Постэндшпиль, наступает после ухода. Играть его нам, по заложенным им ресурсам.

Бывают люди, хорошие от ума. У них есть принципы. Они вполне предсказуемы. В стандартных ситуациях на них можно положиться, в нестандартных – договориться. Но на каком-то другом, тонком уровне с ними нехорошо, нечисто что-то, неправильно.

Он был человеком хорошей души. Плохо предсказуемый, трудно понимаемый, и принципы у него были странные. Порой казалось, что он сражается с ветряными мельницами, от этого в глаза тех, кто рядом, попадают щепки, в ушах все время стоит свист, а иногда просто лопастью бьет по голове. Но он был Человек. Ему было дорого Дело, память Учителя, и мы, те, кто шли рядом, и плохо попадали в ногу, тоже были ему дороги. С ним было светлей и теплей. Таким был Коля Хоменко.

Как-то он написал шутливо: «Я, по всему выходит, атеист». А я все-таки верю. И надеюсь, что там, в другом измерении, изучая новые ресурсы и простирая новые цели, он вспомнит давнюю нашу переписку и насмешливо удивится: «А Алуня-то на этот раз была права». И найдет еще способы ответить на наши вопросы.

2 марта 2011 года.

Алла Нестеренко, редактор сайта проекта «Джонатан Ливингстон»